

ТАЕЖНЫЙ САМОРОДОК

Поэзия Василия Лебедева рождена глубокой и трепетной любовью к родной земле, к ее суровой и влистной природе, к ее людям. Автор поставил перед собой цель — раскрыть душу своего маленького народа, на долю которого выпали тяжелейшие испытания, — и с успехом справился с этой нелегкой задачей. Основное достоинство книги — предельная искренность, какая-то особая доверительность в разговоре с читателем. А это неотъемлемое качество истинной поэзии.

Просто и естественно повествует Василий Лебедев о своих чувствах. Для него родная эвенская тайга — начало всех начал, его колыбель, его сегодняшний и завтрашний день. Поэт смотрит на мир чуть прищуренным, зорким взглядом таежного охотника и землепроходца. Его художественные образы зримы, точны. Скупыми, неброскими штрихами умеет автор создать портрет, объемно вылепить человеческий характер так, что за чертами лица угадывается большая и сложная жизненная дорога.

Жизнь человека представляется ему связующим звеном между ушедшими и ныне живущими поколениями.

Г. СЕРЕБРЯКОВ

Василий
Лебедев

*Священный
родник*

СЛУХИ
И ПОЭМА

Перевод с японского

С (Спб)
ЛЗЗ

Лебедев Василий Дмитриевич.

ЛЗЗ Священный родник. М., «Современник», 1974.

80 с., 1 л. портр. (Первая книга в столице).

Стихи эвенского поэта Василия Лебедева знакомят с духовным миром его сородичей. Они отмечены зримой предметностью, сочностью красок, глубиной поэтических образов. Ритм современной действительности и напевы народных песен создают неповторимый сплав его стихов.

Л $\frac{0743-}{106(03)-74}$ 177—74

. С (Спб)

ИНДИГИРКА

В траве помутневший холодный осколок луча.
Прощаются птицы, тревожно и горько крича,
Летят они к югу, крылами вспоров облака,
Но к морю, на север, течет Индигирка-река.
Солдаты-деревья, верхушки подняв, как штыки,
Стоят-охраняют стремнины и плесы реки.
Все к морю, все к морю тяжелая рвется вода,
Чтоб жирною нельмой путинные вздуть невода,
Чтоб лодка рыбацкая к берегу полной плыла,
Чтоб радужный бисер с ее осыпался весла.
У дерева встанешь, увидишь на плесах реки
Скольженье теней — это рыбы плывут косяки,
А если, как птица, распорешь крылом облака, —
Двужильной веревкой покажется сверху река.
Ей некогда думать, рабочей реке, о себе.
Вот так и живет, в бескорыстном труде и борьбе.
Под небом осенним сильна, широка, глубока,
К великому морю течет Индигирка-река.

Познать суровый север ты
Решился? — Не робей!
Белы угрюмые хребты
Над родиной моей.
Вот горный ручеек бурлит:
Живая в нем вода!
И птицы жажду утолить
Слетаются сюда.
И ты, не брезгуя, ипей
Воды студеных недр!
Был смел — а станешь ты смелей,
Не жаден — станешь щедр!
Мой край не любит суеты:
Строга природа-мать.
Здесь холода. Но теплоты
Сердец — не занимать.

ДНИ И ГОДЫ

Дни мои так быстры!
Птицей летят года.
Солнца горят костры —
Скована льдом вода...
Время бежит за мной,
Гонится по пятам.
Чувствую я спиной:
Я устаю... Я едам...
Но у беды в плену
Друг. Его жжет тоска!
Руку ему тяну —
Крепнет моя рука.

Дни мои так быстры!
Птицей летят года.
Солнца горят костры —
Скована льдом вода...
Жизнь коротка, друзья!
Надо добро творить!
Только... успею ль я
Радость вам подарить?
Сетка морщин у глаз...
Груз ваш — моим плечам!
Радость моя — для вас!
Ваша — моя печаль!
В дождь, в гололед, в пургу,
Кто не добыл огня —
Выручу, помогу,
Лишь позови меня!
Солнца горят костры —
Скована льдом вода...

Дни мои так быстры!
Птицей летят года.
Ветра порыв могуч:
Есть в нем простор и страсть.
Прянуть превыше туч,—
В космос — и скрыться с глаз.
Песня манит в простор,
В песне могуч призыв:
Волю постигнуть гор,
Душу понять низин.
Лиственницы шумят —
Солнечных ждут лучей...
Дети кричат-шалют,
Горный ворчит ручей...
Говор земли моей,
Добрый ее привет
Слушал бы много дней,
Много летучих лет.

В поле цветы пестры,
В реках гуэта вода...
Дни мои так быстры!
Птицей летят года!

ВЕРХОЯНСКИЕ ХРЕБТЫ

Хребты тянулись в отдаленье,
В тумане низких облаков,
Как будто черные олени,
И только сумрачно белели
Отроги пятнами снегов.
Они почти сливались с ночью,
И в ветре слышался порой
То птичий крик,
То стан волчьей
Протяжный заунывный вой,—
Она голодная из лого
Уже спешила на разбой;
То дерево стонало долго,
Как умирающий больной.
Паслись олени у палатки;
И от костра
Во мгле сырой,
Как будто бы играя в прятки,
Густые тени в беспорядке
Кидались прятаться турьбой.
Клубы вздымались густые,
По веткам прыгали огни,
Бросая искры золотые,
Чтоб стали звездами они.
И, словно в юности, опять
Я ощутил себя единым
С хребтами,
С деревом
И дымом,
И было сладко сознавать,
Что эта связь нерасторжима.

Темнеет снег.
Зато сверкает солнце.
Так девушка прекрасная,
Всмотрись,
Выглядывает в спящее оконце,
Лучами косы свешивая вниз.
Мне, словно в детстве, дышится легко.
И вижу я: весна недалеко!

Вот, чувствуя рождение нежных почек,
Привстал в снегу затрепетавший куст.
Вот, под капель язык подставив, хочет
Весну мальчишка ощутить на вкус.
Все пьет весну. И всяк весну поет.
Она близка, она уже идет!

И даже старикки, забыв о смерти,
Задумчиво прислушались к весне...
Взывают к ним в немолчной круговерти
Звенящие лучи в голубизне,
И песни птиц, и полая вода:
— Живите, люди! Здравствуйте всегда!

РУЧЕЕК

С гор молчаливых епросонок
Мчится ручей невесомый.
Как молодой олененок,
Резв, и беспечен, и звонок.
Стукаясь лбом о коряги,
Листьев легонько касаясь,
Брызгами радужной влаги,
Как жемчугами, бросаюсь.
Старая ветка тутал
Путь ему загородила —
К речке оврагом сбегая,
Жалуясь, заговорил он.
Речка спешит успокоить:
— Вместе пойдем мы по свету.
Трогать, однако, не стоит
Эту корявую ветку! —
Ширясь, поток пробегает
Через леса и туманы.
А впереди призывает
Синяя даль океана.

Солнце светит...
К земле приник
Легкий ветер,—
Шумит тальник.

Родник бормочет.
Мелькают птицы.
Звонче, звонче
Воздух струится.

Сказкой давней
Льется река,
Легка волна в ней
И облака.

В бликах солнца
Смеются листья.
И сердце бьется
Доброю мыслью.

ОЛЕНЕНОК

Олененок черной масти,
Что тебе, ушастый, снится?
Возле матери приткнулся,
Закопался в теплый мох.
Не привыкли бить сугробы
Эти мягкие копытца,
Тропы горные не знают
Дробот этих тонких ног.

Кем ты будешь, олененок?
Станешь ты большим оленем,
Верховым, а может — выючным,
Или в парты запрягут
На больших и шумных гонках?
Или даже не успеешь
Подрасти — тебя зарежут
И на шапку обдерут?

Олененок черной масти,
Кем ты будешь, олененок?
Если вдруг беда нависнет
Над тобою — так и знай:
Позови меня — приду я,
Отведу твою беду я.
Олененок черной масти,
Сни, ушастый, подрастай!

Вот женщина,
Что шьет она? Я вижу —
За полем шахматным
Прядь волчьей шерсти серой...
А тонкая рука привычно нжет
То нитку бус,
То солнечные стрелы.

Вот в самом центре
Эпизод охоты,
А по краям —
Бежит узор старинный.
Шьет женщина,
Увлечена работой,
Как живописец
Новою картиной.

Обычай предков
Соблюдают строго
В моем краю.
И путнику на память
Шьют кумалан.
В далекую дорогу
Он с ним уйдет...
А сердцем —
Будет с нами.

В пути нередки
Всеякие напасти:

¹ Кумалан — национальная одежда.

Выходишь,— ясно,
К вечеру — буря.
Но не случится
Никаких несчастий
С тем, кто закутан
В теплый кумалан.
Пред ним бессильны
Снег и колючий ветер,
Закурит трубку
Путник под полой,—
Согреется...
Припомнит тихий вечер
И руку смуглую
С бегущею иглой.

И этот дар
Друзей своих эвенгов
Его спасет в любые холода,
Он Север наш полюбит непременно
И возвратится...
Может,— навсегда.

УНТЫ

В городской толпе
Обычным утром
Вдруг забыл я обо всех делах,—
Шла с улыбкой девушка, и... унты
Я увидел на ее ногах.
Только покачнулся синий свет,
И забилося сердце:
«Быть не может...»
И невольно прошептал я вслед
Этой удивительной прохожей:

— Ты лети, олень, лети вперед,
Унеси ее от всех невзгод!

И, в минуту сблизив расстоянья,
В памяти воскресли для меня
Радуги полярного сиянья,
Сполохи холодного огня.
Унты... Север... Снег...
Далекый голос...
Ледяного моря вечный зов.

Уходила девушка, и город
Вряд ли слышал шорохи шагов.

— Ты лети, олень, лети вперед,
Унеси ее от всех невзгод!

Бисером узор на унтах вышит,
Женщина эвенская его

Подбирала так, что бисер дышит
Чистым небом край моего,—
Так на строчку слово к слову ниспет
В суть вещей проникнувший поэт
В час, когда звезда ясней и ближе
И во всей Вселенной краше нет...
Женщина эвенская недаром
Свой орнамент вышила с душой,
Пусть снесит легко по тротуару
Девушка походкой молодой.

— Ты лети, олень, лети вперед,
Унеси ее от всех невзгод!

Верю я, что девушка запомнит
Пламя красок и тепло мехов
И навеки Север мой наполнит
Эту жизнь мерцающим снегов...

Двести семьдесят дней в году
 Белый Север в белом бреду.
 Снег колючий глаза слепит.
 Так чему же ты рад, следопыт?
 Может, шумной прибавке в семье?
 Неужели — новой зиме?
 У зимы охотничий глаз —
 Даль сквозит из конца в конец.
 Глянь, где тень от скалы легла,
 Слово некра, мелькнул несец.
 Кинь ружье за плечо, торопи
 По крутому склону лыжню.
 Если ноги сдадут — терпи,
 Не давай укатиться дню.
 Этот ветер свистяще-бел,
 Он взрывает морозный дым,
 Он тебе колыбельную пел,
 Как теперь малышам твоим.
 Юкагирский мерцающий снег...
 Снова ночь, а светло, как днем.
 И несы на твоём ремне
 Полюхают спним огнем.
 Веселее займись, костер,
 Эй, тайга, давай, привечай!
 В котелке, что от времени стерт,
 Пусть клоочет веселый чай.
 Спит на ветках тяжелый снег,
 Снится зверю загонный бег.

Где-то рядом, в тени скалы,
Замерев, уямкан¹ стоит.
...Туча пепел от костра летит,
Словно брызги из-под копыт.

¹ Уямкан — горный баран.

ОЗЕРО КОБОЛЬЧАН

Ты спишь спокойно, словно травы
Ночной порою.
Укрыто зеленью ветвей корявых,
Их добротою.
Волна, нежней руки девичьей,
Склонит осоку.
И дремлешь ты под шепче птичье
Средь скал высоких.

Тебе кричал протяжно ветер,
Чтоб покорилось.
Но тишина воды навеки
Здесь воцарилась.
Тебя спасли от ветра горы,
Стеной укрыли;
Потоки дикой лавы гордо
Кругом застыли.

Ты ночью — как заздравный кубок
Из цельной глыбы.
К тебе луны прильнули губы —
Ложатся блики.
Молочным матовым мерцаьем
Струятся воды.
Ты будто двух планет созданье —
Двух душ свободных.

До лиственниц добрался хмурых
Порыв скользящий,
Насушил брови елей мудрых
В прибрежной чаще.

В мишень из серебра литого —
С луной прощанье —
Как стрелы — в гладь твою влетали
Ручьи с журчаньем.

Зелеными тогда казались
Мне стрелы-трели,
А на рассвете изменялись
И розовели.
И вновь на красоту твою
Со мной смотрели
Отроги гор, как скаты юрт
В следах метели.

СЕРДЦЕ

Сердце,—
Ты песен старинных напев,
Сердце,—
Ты бег одиноких оленей,
Сердце,—
Печаль моя,
Праведный гнев,
Утро надежд
И туманы сомнений.

Визжу я: к юрте
Упряжка летит,—
Эти олени
Мне неизвестны.
Сыплются пекры из-под копыг...

Добрые вести?
Худые вести?

Как бы то ни было,
Напряжена
К миру от сердца
Тугая струна.

НА МОГИЛЕ НИМКАЛАНА

Я вырос в глухой стороне,
Где время текло в тишине,
И там о седой старине
Такой же седой Нимкалан
Сказанья рассказывал мне
Таинственные, как туман.

Давно эти годы ушли,
Как нестрых гусей караван,
Растаяли в снежной дали.
В могиле давно Нимкалан...
У этой могилы стою
И жизнь вспоминаю свою.

Как часто я в детстве мечтал:
Лечу я вершинами скал,
Несусь в ешewe ледяной
За милую Родину в бой.
И чудная Дева-Звезда
В наряде, мороза белей,
Глазами, прозрачнее льда,
Следит за победой моей.

Не я ль побывал на горе,
Где Верхний покоится мир,
Со мной на лучистом ковре
Дочь Солнца садилась за шир.
Не я ли за день облетал
Мир Средний, где, словно заря,
Кровавою медью пылал
Дом Медного Богатыря.

А в Нижнем, где вечная тьма,
Я видел — угрюм, как зима,
Сидит Богатырь-Людоед,
Закован на тысячу лет.

Года вереницей текли.
Но бедные предки мои
Не знали, что уголь и медь,
Железо и золото есть.
Не плавил руды они,
Ножей не ковали себе.
И длились тяжелые дни
С природой в неравной борьбе.

Откуда ж в преданьях твоих
И медь полыхала и сталь?
Лишь годы спустя я проник
В столетий неясную даль.

...Был тысячелетия назад
В приморье полуденном край.
Как благоухающий сад,
Лежал на равнине Бохай.
О, как был могуч и горяч
Мой предок на черном коне,
Играющий в кожаный мяч!
О, как был спокоен и прост
Мой предок в холодной волне,
За конский державшийся хвост
И плывший навстречу луне.

Однажды большая беда
Обрушилась на города.
Как туча, пришли из степей
Джурджены в полуденный край.
Под крики и ржанье коней
Был выжжен богатый Бохай.

Дымился в почи небеса,
Змеялся в дыму облака,
Черпели, как уголь, леса,
И крови пылала река.

Бежали в тайгу от врага
Разбитые предки мои,
Где их ожидали — пурга,
Снега и голодные дни.

Века вереницей текли.
И предки забыли мои
О том, что и уголь и медь,
Железо и золото есть.
Но знала легенда одна
И напоминала она
О том, что никто не вернет
Того, что утратил народ.

Но годы прошли, и опять
Мы стали железо ковать.
Где волки блуждали во тьме —
Заводы стоят на холме.
Легенду продолжила жизнь...
Ты где, Иимкалан? Отзовись!

СМЕНА ПЕСЕН

У нас и летом снег — нередкий гость.
А то вдруг зачастит холодный дождь,
Затянет сеткой сумрачное утро.
Давно, день ото дня, из года в год
Внимает вздохам этих непогод
Любые тучи видевшая юрта.

Поникшей юрты нынче облик хмур:
Лысеют стены из прогнивших шкур —
Добыча запустения и тлена.
А в них еще сохранена стрела —
Она когда-то за собой вела
Дорогою войны
На племя племя.

В век атома светло я расстаюсь
Со старинной, вселившей в душу грусть,—
Как с патронташем из рогов и с бивнем.
Безрадостным напевам вышел срок.
Песняк народной горечи исток,
Хоть предкам он казался неизбывным.

Лети, иная песня, в высоту,
Согрей веков минувших мерзлоту,
Поведай предкам
С лаской и любовью:
Какою стала наша сторона,
Какие наступили времена,

Какою к жизни
Рождена ты новью!

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Эту песню
Мне бабушка пела.
Пела так,
Что мотив печальный
Мне сжимал молодое сердце,—
Только вспомню
Родной я голос,
Только эхо его вернет мне,
Пролетит
Над тайгой ночью,
Пролетит
Над ущельем диким
И опять
Далеко унесется,
И покажется,—
Навсегда.
Пел эвен.
Нет, не пел, а плакал!
Плакал он,
Судьбу проклиная.
Но и в плаче билась надежда:
Будут внуки его —
Счастливей.

Эта песня,
Как предсказанье.
Эту песню
Мне бабушка пела.

И, чтоб явью предстало слово,—
Новый день
Обагрится кровью:

Кто в дремучей тайге,
Кто в скалах —
Все отдал до последнего вдоха
За священное слово «Свобода».

Вечная память героям!
...А сегодня на крыльях ветер
Нам приносит добрые вести,
И поют веселые дети
В новом мире новые песни.

Звук льется в просторе синем.
Я взволнован их голосами!
Хоть порой еще снится ночами,—
Жизнь на тонкой висит паутине.

✓
Я ЕДУ В ТОМПО...

Я еду в Томпо
По знакомой дороге,
Налево — ущелье,
Направо — отроги.
Я гор величавей
Не видел ни разу:
Стихом не охватишь,
Не вымеришь глазом.

Я еду в Томпо,
Поднимаюсь все выше.
А скалы внизу —
Словно острые крыши.
И держат утесы
Огромное небо.
О, если бы силу такую
Да мне бы.

Я еду в Томпо.
Я привык торопиться.
Над горной дорогой
Не видно ни птицы,
Орлу не под силу
Такие высоты.
Но вровень со мною
Летят самолеты.

Я еду в Томпо.
А ущелье все шире.
За мною несутся
Машины, машины.

Каленое солнце
У самой дороги,
Как будто бы я
На небесном пороге.

Я еду в Томпо.
Я тайги уж не вижу.
Дорога все уже,
Селенье все ближе.
Внизу, у дороги,
Скользящие тени.
Ах, это на склонах
Пасутся олени.

Я еду в Томпо,
Позабыв про печали,
Друзей-пастухов
По дороге встречаю.
Приветив, как водится,
Речью недлинной,
Они угощают
Меня строганиной.

Я еду в Томпо
От вершины к вершине.
На горной дороге —
Машины, машины.
Лишь галька летит
Под упругою шиной.
Машины с мукою,
Машины с пушниной...

Я еду в Томпо!
Я веселый, как ветер.

Прекраснее нету
Дороги на свете!
Того чудака,
Кто поспорит со мною,
В Томно захватить
Обещаю с собою!

Когда тоски тяжелый ком
Опять обрушится на душу
И сердце станет биться глуше,—
В дорогу! —

Там, в краю родном,
Осушит ветер мои слезы,
Добрее станут мои мысли,—
Я от несчастий незавлсем
И словно делаюсь моложе.

Вновь горная тропа легка мне,
Под ноги мох ковром ложится...
Я слушаю, как дышат камни,
Я вижу —
Пролетают птицы.
Смола прозрачная стекает,
Ствол бронзовеет...
Близок вечер.
И мягко
Хвойными руками
Сосна берет меня за плечи.

Когда б не корни вековые,
В какие б дали ледяные
Листом опавшим
Жизнь умчалась —
Под ветром, что не знает жалость?

ДОМОШН!

Олени,
Олени,
Олени! —
Несутся по белому насту,
Быстрее, чем птицы и тени,
Скользят в голубое пространство.
А снег засыпает глаза мне,
Мелькают,
Мелькают копыта.
Лечу от печали недавней,
И воют полозья сердито.
А сердце
Минуты считает —
Поляна...
Деревья...
Поляна...
И тает,
И тает,
И тает
Колочая дымка тумана.
Как щедро воздали за отдых
Восприимчивые олени!
Густеет морозный воздух,
Раскачивается,
Синеет.
Встают впереди отроги —
Все ближе к родимому краю.
И длинную эту дорогу
Я, словно аркан, мотаю!

У ГОРНОГО РУЧЬЯ

Холод и тьма. Тишина кругом.
Олени ушли искать себе корм.
От одиночества я не засну,—
Зябко вслушиваюсь в тишину.
Шагов оленьих уже не слышать...
Вдруг... Показалось?.. Нет, опять...

Это ручей, это ручей!
Голос живой в тишине ночей,
Голос, которому не страшна
Колочего холода пелена,
Даже февральский мертвый лед
Сила мятежной воды пробьет!
Добрый шаманом колдует он,
Песней своею заворочен...

Быстрый ручей, звонкий ручей!
Вечно свободный, вечно ничей.
Как ему рад я в горной глуши,
Как эти трели его хороши!
Знает ли он, что сумел мне помочь?
Слушать его я готов всю ночь.

Ветер подул... Ветер мне ни о чем
Рядом с бормочущим звонко ручьем.

Скачу по тропе,
Что летит в небеса,
И синяя бездна
Мне дышит в глаза.

И каждая жилка
Звенит тетивой,
И солнце летит
Над моей головой.

Я первым
Луч солнца
Ловлю на рога!
Мне кажется мохом
В долине тайга.

Олень
Муравьем пробегает к реке,
Скачу я по кручам
От всех вдалеке.

Никто не настигнет меня
В этой выси —
Ни жадные волки,
Ни хитрые рыси,
Ни зоркий орел,
Что кружит в стороне,

Но только б двуногий
Не встретился мне!

МОЙ ПУТЬ

По этой тайге
Я ходил много лет,
На этой тропе
Моей юности след.
Здесь хищника взгляд
Я во тьме замечал.
И хрипло над речкою
Филин кричал.

Заря занималась
Над серой скалой,
А ветер свистел
И костер догорал,—
И я умывался
Студеной росой
И молча смотрел
На крутой перевал.

Рвалась и металась
Живая душа,
В дорогу,
В дорогу,
В дорогу —
Спеша!
Стремглав,
Как стрела,
Я по свету летел,
Считая, что это
И есть мой удел.

Наивный мечтатель!
Как будто вдали
Мы что-нибудь стоим
Без отчей земли...

В родные края
Возвратился я вновь.
Здесь в чаще косматой
Бормочут ключи.
Здесь жизни начало.
И свет, и любовь,
Здесь песни рождаются,
Как месяц в ночи.

ХЕДЕ

В танце Хеде
Яростны будем!
Звезды в небе —
Шаманский бубен!
 В танце света
 В веселом круге
 — Хеде! Хеде! —
 Сплетаем руки!

Пойте, выюги!
Лютуйте, зимы!
В звездном круге
Свой путь прошли мы.
 Нуть заветный
 От года к году
 — Хеде! Хеде! —
 В огонь и в воду!

С ходу! С ходу!
В пропасть сбросьте
Новым годом
Пройденный мостик!
 Старого мифа
 Жив ритуал:
 Ихо рико!
 Ихо таи!

За руки крепче
В жарком вихре!
Выюги не шепчут,
Морозы стихли.

Только лепет
Седых заклинаний:
Их небо!
Чолке галле!

Дальше! Дальше!
От зимней стужи
В ритме танца
Взвешайтесь, души!
Доброго лета,
Ясных дней
— Хеде! Хеде! --
Нам дай скорей!

Танество это
С веков забытых.
Танец Хеде --
Дыханье битвы.
Звезды-искры,
Вращенье неба...
Ветер жизни --
Наш танец Хеде!

СВЯЩЕННЫЙ РОДНИК

1

Сыну от матери
Радостна весть:
Снова мне здесь
Встречу назначили
— Слышишь шаги? —
Ветры тайги.

В этом возврате ли
Странника к матери —
Древней тайге —
Мудрость постиг?
Снова к тебе
Сердцем приник,
Верный судьбе,
Жизни священной родник.

2

Видится,
Чудится мне:
Горы твои,
Словно в огне,
Будто ко мне
Двигутся!
В алой заре,
Будто в крови...
Чащи лесной
Шум золотой,
Елей и пихт
Вещий язык,
Ты — мой священный родник!

Радостный крик!
 Снова вокруг:
 Солнечный блик,
 Сумрачный сук,
 Свет бытия,—
 Только моя
 Радость и боль,
 Сладость и соль!

Как я устал
 Жить без тебя!
 Как я мечтал —
 Край мой любви —
 Петь без тоски
 Утро тайги.
 Там, где меж скал
 Мал и велик,
 Бился и звал,
 Весел и дик,
 Ты — мой священный родник!

Словно вернулся
 В детские годы,
 Весь окупился
 В чистые воды,
 Чуждых лишенный одежд,
 Песен, и снов, и надежд!
 В птичьем и беличьем тереме,
 В запахе солнца и зелени
 Снова обрел
 Силу и власть —
 Все, что нашел,
 Словом заковать!

И, прозревая грядущее,
В енном тумане идущее —
 В блеске лучей,
 Там, где ручей
 И ягод не счесть, —
 Тяготы несть,
Вечное чуют соседство —
Светлые призраки детства!

5

Верность и память —
В прошлое нить,
Можно оставить,
Но не забыть!
 Можно покинуть,
 Но не остыть.
— Слышишь шаги? —
К сердцу тайги!

Знайте и верьте:
В этих просторах —
Жизни и смерти
Солнечный шорох!
 Яростный кипень!
 Плещет для всех
 Радостный ливень,
 Радостный смех!

6

Тлеют поленья,
Искрамн речь.
В ножнах мгновенья
Вечности меч!

Верность и память:
Душу оставить
Даром сыновним навек, не на миг —
Там, где приходят
Видеть и славить
Птицы и звери священный родник!
В сумраке хаоса
Спящему ящеру,
Вещему пращуру,
Солнцу и дню,
Сильному, тайному
(Имя — Тайга ему!)
Слава Огню!

Сказка ли, чудо ли?
Мир — не отсюда ли,
С этой коряжины?
Как закрутившийся смерч —
В жизнь,
И в творенье,
И в смерть?!!

7

Стоит задуматься,
Многое вспомнится.
Зло позабудется,
Правда исполнится!

Сыну от матери
Радостна весть:
Снова назначили
Встречу мне здесь!
В хаосе спящему вещему пращуру,
Космос творящему, — брат и двойник,
Дай приобщиться Огню настоящему,
Отчего слова священный родник!

ОСЕННЯЯ НОЧЬ

Шумный день дошагал до закатной черты.
Над померкшей тайгой, как чугуи, небеса.
Черно-бурою шкурой Большой Темноты,
Засыпая, укуталась на ночь леса.
Но затеплили звезды свой пристальный свет.
Видишь, сколько их смотрит задумчиво вниз?
Может быть, собрались на верховный совет,
Может, судьбы людей разгадать собрались...

ТУЧА

Твое лицо темным-темно,
Ночная туча.
Твое ведро полным-полно
Грозы гремучей.

Велик твой груз, и плачешь ты,
Вздыхая тяжело.
Роняешь слезы с высоты
Мне на рубашку.

Да опрокинь ведро, не трать
Напрасно силы!
Не стоит вздохи поверять
Ветрам немощным!

СЕНТЯБРЬ

Месяц в тучах, как в сетях,
Лунный свет не льется.
Облетающий сентябрь по холмам крадется.

Словно дождь, шумит листва,
Ветер все сильнее.
В мгновенье сумраке трава
Инеем белеет.

Кто таится у куста,
Кто по роще бродит?..
Это только темнота
В темноте проходит.

Ни звезды меж облаков,
Полночь одинока...
Но послушай: далеко
Слышен звук высокий.

То ли ветер так свистит,
То ль река бормочет,
То ли — звонкое — стучит
Сердце этой ночи.

Тени прячутся во тьме,
Впереди мелькают,
И мелодия во мне
Смутно возникает.

Месяц, выглянув, блестит
Средь сетей непрочных...
А в груди уже звучит
Песня этой ночи.

СОН ТАЙГИ

Я снова вижу зимний сон:
Стоит утес — печален он.
Со всех сторон снега одни
Да юкагирские огни.
Цветную цепь сковал мороз,
Набросил с неба на утес —
Утес, утес!

Примчалась пулею пурга,
Пургой прострелена тайга.
Но как пурге с утесом быть?
Ей твердый камень не пробить...
Утес, пурга!

И спит утес! И спит пурга,—
Утес и ты, моя тайга.
Закрыв глаза, увидишь ты:
Уже растут зарю цветы
Из темноты.

БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ

*По древнему эвенскому поверью,
белый олень считается священным
животным, приносящим счастье.*

Я слышал, предки —
Удачи ради —
Благословляли
И час, и день,
Когда рождался
В оленьем стаде
Белее снега —
Белый олень.
Прекрасный символ!
Любим, лелеем,
Он рос быстрее
И крепче всех.
И не срезали,
Как всем оленям,
Рогов ветвистых,
Считали — грех...
Когда во мраке
Полярной ночи
Он шел по снегу
И похал снег,
Казалось, солнце
Встает воочно, —
Переливался
Нежнейший мех!
Ножем и упряжью
Он тропит не был,

Не оскверняли
 Священный цвет...
Под нашим бледным
 Полярным небом
Оленем белым
 Слыл белый свет.
Я слышал, предки —
 Удачи ради —
Благословляли
 И час, и день,
Когда от старости
 В оленьем стаде
Сам умирает
 Белый олень.
Эвену было
 Давно известно,
Что смерть оленя —
 Хороший знак.
Соединялись
 Жених с невестой,
И счастьем белым
 Крепился брак.

ПЕСНЯ КУКУШКИ

Я, кукушка, накукую
Нынче песню вам такую:

Утром в лес примчится ветер,
Как влюбленный, тих и светел.
Чуть качнутся тальники:
Пальцы ветра так легки!
С этой радости кукую
Песню добрую такую.

Край мой — весь передо мною,
Как полотнище цветное.
Выбираю куст любой:
Красный, желтый, голубой!
Оттого вам и кукую
Песню яркую такую.

Ветер веток не ломает,
Робко гладит-обнимает...
Но всему приходит срок:
Дунет осевь — лес поблек.
Я по осени кукую
Песню грустную такую!

В мае парни и девчата
От любви своей крылаты.
Славлю я тогда, ликуя,
Радость юную такую!

Может, вам я прокукую
Завтра песенку такую?..

По поляне
По весенней
Мчат олени,
Мчат олени!
А пастух — гляжу —
Девчонка!
Взгляд лукавый,
Бровь дугой..
Но светит
Аркан крученный,
И олень —
С копыт долой!
— Подержи,
Раз нет работы! —
Мне, смеясь, кричит
Пастух.
Сердце сразу
Отчего-то,
Как копытца, —
Стук, стук, стук!..
Что со мною:
Сон ли снится?
Разбудите же меня!
Или голос
Певчей птицы
Только что
Услышала я?
А девчонка
Знай смеется!
Вновь аркан летит из рук...

Золотая прядь солнца
Разбегается
Вокруг.
Мне аркан из этих нитей
Захотелось подарить ей
И, подобно олененку,
Своего дожидаться дня.
Только станет ли девочка
Заарканивать меня?..

ВЕЧЕР

Вечер звезды взвалил на плечи
И спустился с небес в тайгу,
И желанной прохладой лечит,
И от лиственниц ширится гул.
Ветерок пролетает, тает.
Облаков потемнели края.
Чьи-то тени в траве мелькают,
И моя среди них, и моя...
Но рождается новая песня
И уносится в небо, звеня!
Если тень моя в мире исчезнет —
Эта песня заменит меня.

II

УТЕС

На бурливом пути Ингачана
Задремал одинокий утес.
Вспоминает в глубоком молчанье
Все, что видеть ему довелось.
Вспоминает он имя героя,
Лед в крови и сверканье штыка.
Вздых утеса летит над рекою...
Убегая, бормочет река.
И несет небывалую тайну
Далеко-далеко в океан.
Гул идет по всему океану —
Это слава твоя, Нюкучан!

О седые голодные годы!
На тайге — ледяная печать.
Белый снег и пронзительный воздух
Человека учил молчать.

Ночь пришла. И над конусом чума
Серебрилась морозная мгла.
В темноте от пеленого шума
Он прознулся: жена не спала.
Снег екрипел.. Вот совсем уже близко.
Полуночные гости вошли.
Бородатые добрые лица.
Что за люди? Сказали: свои.
Обогрелись, распрашивать стали,
Как охота идет у него.
Чьи следы они в чаще видали,
Не встречал ли в тайге он кого.

Это очень опасные люди,
Это власти Советской враги.
Но пощады бандитам не будет,
Им не выйти живьем из тайги.

Блики неба на ружьях играли...
А еще эти люди сказали
О больших на земле переменах —
А принес их один человек.
Знает он о далеких эвенах,
Что в тайге коротают свой век.
Но летит по земле его клич,
Чтоб из тьмы поднимались народы
Строить братство добра и свободы...
И зовут человека — Ильич.

— Нет в отряде у нас следопыта,
Мы три ночи кружили в пурге.
Если знаешь все тропы в тайге,
Помоги уничтожить бандитов.

Ночь стояла в глубоком молчанье.
И морщины изломом скалы
Проступили в лице Шюкучана,
А глаза — словно звезды из мглы.
Не сомкнул Шюкучан своих век
И в мечтах просидел до рассвета.
Чтобы зло победил человек —
Только в песнях он слышал про это.
Неужели из сказки явился
Незабвенный Омчени-герой,
Что за счастье народное бился?..
Неужели явился такой?
Так сидел он в раздумье глубоком
И хотел это чудо постичь.
И светилось ему издалика
Незнакомое слово — Ильич.

День настал. В путь-дорогу скорей!
Застонали, запели полозья,
Заспял на колючем морозе
Белый пар из оленьих поздрей.
Иглы солнца на ветках сверкали.
Долгой искрой пронизан мороз.
Тальники, оттавая, мелькали.
На пути поднимался утес.

Впереди Ньюкучан, а за ним
Командир с полномочным отрядом.
Тишиной околдован распадок.
Блеск высоких небес нестерпим.
Вот утес и деревья в снегу...
По огни пронизали тайгу.
Разломилось раскатами эхо,
Оборвался стремительный бег,
Ни вперед, ни назад не проехать —
Белый снег, красный снег, черный снег...

Ты скажи, Ньюкучан, что с тобою?!
Тридцать тел полегли под скалою.
Все погибли в неравном бою...
Так поестой же за правду свою.
Пнул охотника грубый сапог.
— Если, сволочь, еще ты не сдох,
Мы спасем тебе жизнь, но за это
Ихний штаб покажи до рассвета.

Нахло в воздухе шишкой кедровой,
Пад утесом сваял небосвод.
Штаб? Не слышал он слова такого,
Только знал: никуда не пойдет.
Он молчал, как седая тайга,
Он молчал, как седые снега.

И расправа была тут недолгой.
Затянули веревкою горло.
— Походи, поскучал на веку,
Поболтайся теперь на суку...

Много лет с той поры миновало,
Много зорь с той поры отпылало.
Затянулась глубокая рана,
Но никто не забыл Цокучана.

СЕРКАНИ

Поэма

ВСТУПЛЕНИЕ

В те годы так же, как сейчас,
Вставало солнце в ранний час
Пад реками, долинами,
Над чащами звериными.
И ветры лютые зимой
Передавали волчий вой,
Меж гор ходили с поевием.
А в даях сумрачных светло
Сиянье севера цвело,
Игольчатое, пестрое.
Все было так же, как теперь:
Пурга, мороз, тайга и зверь...
То время, словно в зеркале,
В сказаниях отражено.
Из них мне было суждено
Узнать о храбром Серкани.

1

Бродил тот Серкани тайгой
И ходил по горам,
А уж охотник был какой! —
Его бы ловкость нам!
Скользнет без тропок хоть куда
По замяти любой.
Пустым с охоты никогда
Не приходил домой.
Веселым он и добрым был
И старый чтит закон:

Добычу поровну делил
Меж родичами он.
Шли дни неспешной чередой.
Уже весна, и вот
За уямканом наш герой
Отправился в поход.
Он на олене верховом
Кружил среди голых скал.
За каждым каменным бугром
Добычу оставлял.
Пробыл в отлучке десять дней,
А как пришел назад —
Ни юрт, ни стада, ни людей —
Куда ни кинешь взгляд...
Что приключилось? Мор? Разбой?
Уголья тут и там...
Оленьи шкуры под золой
И прочий рваный хлам.
Двигтся Серкани, глаза
Уставя в черный сор.
Соседи — вроде бы друзья,
И нет причины для ссор.
Но если впрямь была война
И все огнем смело,
То как же солнце и луна
Стерпели это зло?
Увидел Серкани во мхах
Сородичей следы.
Небось бредут теперь в горах —
Далеко ль до беды?
Спаси своих и отомсти! —
Гласит седой завет.
И снова Серкани в пути —
Сородичам вослед.

А было так: недвижимое пенька
 Шаман Байды сидел у очага
 И слушал, как ленивый сын его
 Храпел, не наработав ничего.
 Уже шаману старому Байды
 Звериные не находить следы,
 Слабеет зренье и подводит слух,
 И дряхлых рук не слушается лук.
 Камлание он вершит теперь с трудом:
 В пудовом облачении своем.
 Зовут к большим все реже что ни год.
 Тут мог бы сын помочь, да сын не тот:
 Ленив и глуп — не выучить никак!..
 А рядом этот Серкани-сопляк,
 Умен, как бее, и так тверда рука,
 Что люди чтят его, как старика.
 Не раз спасал людей он от беды..
 Но пусть узнает, кто такой Байды!
 Шаман еще в почете жить не прочь,
 К тому ж и сыну надо бы помочь.
 За сына замуж ни одна нейдет,—
 Окончится на глухом славный род!
 Вот если б Мэнгун,— обойди весь свет,
 Ее умнее и красивей нет,—
 Пошла бы замуж за его сына --
 Сын поумнел бы с ней наверняка!
 Но Серкани и тут опередил.
 Он с детских лет красавой Мэнгун мил.
 Зато отец красавицы не прочь
 С шаманом породниться через дочь...
 Шаман Байды коварен и умен.
 Ловушки ближним ставить мастер он!
 Опять надел шаманский свой наряд,
 Сжал звонкий бубен в старческих руках,

Кружился, пол, плясал всю ночь подряд,
На стойбище нагнав великий страх.
Мол, рассердились духи на людей
И шлют болезнь, которой нет людей.
Мол, он, Байды, помочь не в силах тут.
Пусть люди с места этого уйдут.
Пусть перегонят стадо по воде,
И все кочевье тоже по воде
Пуускай пройдет, чтоб не было следа,
Чтоб духи не прэшохали — куда.
А он, шаман Байды, потом придет.
Он Серкани с охоты подождет.

3

Все наврал шаман. Не думал
Ждать он Серкани с охоты.
Просто он чуть-чуть попозже
В путь пустился по воде.
Бедный Серкани, вернувшись,
По следам дошел до брода.
Оба берега изъездил —
Больше нет следов нигде!
Где же стадо? Где кочевье?
Да куда же все девалось?
Да неужто поглотила
Всех опасная вода?
Перед ним река седая,
Как шаманка, расплясалась.
Быют металлом волны в берег,
Мчатся, дикие... Куда?
На утес крутой лесистый
Быстро Серкани взобраза,
Чтоб от гнуса дать оленям
Хоть немного отдохнуть,
И костер его высокий
Рядом с солнцем распылался.

Здесь решил заочевать он,
Чтоб назавтра — снова в путь.
В дни весны за горизонтом
Не скрывается светило:
За горой посетит незного
И опять — на небеса.
Вот оно над горной кручей
Водопад позолотило,
И летит он в белой пене,
Словно света полоса.
Рядом лиственница запах
Благородный источает;
Словно белый новый эфир¹,
Небо виснет над костром.
Что-то Серкани не спит.
Ручеек бежит, качая
Зелень светло-голубую
В чистом зеркале своем,
Или длинными прыжками
По седым морщинам камня,
Как олень в большом загоне,
Вдруг запрыгает родник.
Смотрит Серкани и мыслит
О житье-бытье недавнем,
И заветным мыслям вторит
Ручейка живой язык.
Помнит он, как теплым полднем
Нагушошском малолетним
Он хранил оленье стадо,
Там, где ягоды и мох...
С ним его братишка младший
Загорал под солнцем летним
Да еще девчушка Мэнгун,
Чуть повыше, чем цветок.

¹ Эфир — парфюмерное сырье.

Имя Мэнгун! Что за имя!
Золотистое такое...
Детский смех ее и нытье
Слышен в лепете воды.
Ручейком бежали годы.
Быстро выросли все трое...
И еще подрос — четвертый:
Глуноватый сын Байды.
Так и вьется возле Мэнгун
Сын богатого шамана,
Впрочем, Мэнгун равнодушна
К домоганиям глунца;
Но шаман — он дружбу водит
С богатеем Москачаном,
Ох, наверное, сумеют
Сговориться два отца.

Вздрыгнул Серканш. Очнулся
С грузом на сердце тяжелым.
Высоко стояло солнце
Над лесистою горой...
Утомленные олени
Смотрят взглядом невеселым:
Долго ль нам в горах таскаться?
Не пора ли, брат, домой?

4

Стало в горах кочевье,
Ну, а чуть-чуть попозже
Той же пришел дорогой
Хитрый Байды-шаман.
Сохла вода на лицах
И на оленьих кожах.
Начал Байды шаманить:
— Матушка Ингачан!

Жили мы все в долине
Милой твоей сестрицы,
Пищу и воду брали
От Иргечен-реки,
Ну, а теперь испили
Светлой твоей водицы,
Так улыбнись кочевью,
Стойбищу помоги!
Под ноги ты постлала
Мягкий ковер зеленый,
Празднично разоделась
В пестрый цветной наряд...
Ну, посмотри скорее
В лица нам, умиленным,
И на оленей наших
Кинь благосклонный взгляд!
Сыты мы и довольны,
Но не сердись, родная:
Очень худую повесть
Старый принес Байды.
Злую болезнь послали
Духи нашему краю,
Вот и пришли сюда мы
Спрятаться от беды.
Серкани, славный царень,
Чуть приноздал с охоты.
Видел я, как веселилась
Злая болезнь в него.
Если сюда придет он,
Смерть угрожает роду.
К нам и оленям нашим,
Не допускай его!
А за плохую повесть
Не осуди, родная! —
Кончил свое камлашье
Хитрый шаман Байды.

Все на колени пали,
Жалобно восклицая:
— Смилуйся над кочевьем,
Не допусти беды!

Бедная мать-старушка
В горе и униженье,
Еле ногами двигая,
В юрту свою ушла.
Нет у нее защиты...
Родичи — в отдаленье
Юрты свои поставили
Во избежанье зла.
Только добрая Мэнгун
Ходит к ней незаметно,
Варит ей пищу, шепчет
Масковые слова...
Что там! Не верит Мэнгун
Козням Байды несколько!
Девичья нежность к Серкани
В сердце ее жива!

5

Тайгою и оврагами,
Ища олений след,
Три дня проехали Серкани —
Кочевья нет как нет!
Исколесил по кругу он
Ночевок¹ сотни две,
И вдруг следы неясные
Увидел на траве.
И так спокойно на сердце
Вдруг стало у него,

¹ Ночевка — 7-8 км.

Как будто дым почувал он
Кочевья своего.
Идет по следу Серкани
Кремнистою тропой,
Голодный и оборванный,
Исхлестанный грозой.
На небо смотрит хмурое,
На горные хребты...
Постой, а что там движется
По краю высоты?
Протер глаза, уставился
На крохотную тень, —
Не различает издали —
Настух или олень?
Скорее вверх по берегу,
Скорей дойти туда!
А если это недруги
Идут свои стада?
Но нет! Дымок приветливый
Над выступами гор:
Разводят два сородича
Охотничий костер.
Теперь-то разузнает он,
Зачем кочевье тут...
Но что это? Сородичи
От Серкани бегут!
Ни слова, ни приветствия,
Боятся пометреть,
Как будто к ним не Серкани
Явился, а медведь!
Как уйманы дикие,
Стремглав умчались прочь...
А он-то шел и день, и ночь —
Сородичам помочь!

Серкани помчался
 Вслед за беглецами
 И увидел стойбище
 Около реки.
 Лайки голосистые
 Выютея под ногами,
 Возле юрт уснувших
 Тлеют очаги.
 Пробудилась люди
 От возни собачьей.
 В юрту материнскую
 Серкани спешит.
 Мать спросонюк ищет
 Утолек горячий.
 По щеке слезинка
 Мутная бежит.
 Серкани умело
 Раздувает пламя,
 Молча ожидает —
 Что расскажет мать?
 Но старушка только
 Шевелит губами.
 В горле пересохло —
 Слова не сказать...
 Вдруг влетела Мэнгун.
 — Серкани! Вернулся?! —
 И, еще не веря,
 Смотрит на него.
 — Где же пропадал ты?
 Что с тобой случилось?
 И пришел в одежде
 Рваной отчего? —
 Все понять сумела
 Мэнгун с полуслова,

А потом поведала,
Как шаман Байды
Говорил про Серкани
И про духа злого,
Как велел спасаться
Людам от беды.
Обозлился Серкани:
— Где обманщик старый? —
Не уснула Мэнгун
Вход загородить —
Выбежал из юрты.
Дышат горы паром.
Вышло солнце ясное
Землю пробудить.
На тайгу просохшую
Заглядеться любо.
Ясен взгляд природы,
И правдив язык.
А в шаманьей юрте
Звон тугого бубна —
Значит, что-то снова
Выдумал старик.

7

В юрте Байды-шамана
Бубен рокочет глухо.
Кончив смутную песню,
Держит обманщик речь:
Дескать он вселит в Мэнгун
Добрых и сильных духов,
Чтобы от злой болезни
Девушку уберечь.
А зачумленный Серкани,
Духом злым обуянный,
Чтоб не погибнуть роду,
Пусть уберется прочь!

И, сблачась в одежды,
Крикнул он Москачану,
Чтобы привел сейчас же
Он на камланье дочь.
Но не успел обманщик
Правду спутать ложью,
Серкани разъяренный
В юрту влетел, как вихрь.
Острым ножом венорол он
Бубна тугую кожу.
Взвизгнул шаман, о землю
Грянулся и затих.
И, усмехнувшись, Серкани
Мелвил тогда народу:
— Видано ль, чтоб шамана
Духи не берегли?
Он не любимец духов,
А самозванец подлый.
Как вы, мои сородичи,
Верить ему могли?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

То время в памяти людской
Отражено как в заркале.
Живет в сказаниях герой,
Премудрый царень Серкани.
Все те же горные хребты
Горят на солнце радугой.
Ручьи, сбегая с высоты,
Людское сердце радуют.
Но не шаман по бубну бьет
В пудовом облачении,
А смотрит с неба вертолет
Цеправно за оленями.

Здесь репродукторы поют
В домах добротных, каменных,
И внуки Серкани сдают
Учителям экзамены.
Сыны мужают у отцов
И хорошеют дочери,
И нет в помине тех лжецов,
Что смельчаков порочили.

СОДЕРЖАНИЕ

I

Индигирка. Перевод Н. Грудининой	9
«Познать суровый север...» Перевод Р. Романовой	10
Дни и годы. Перевод Р. Романовой	11
Верхоянские хребты. Перевод Г. Фро- лова	13
Весна. Перевод В. Юриова	14
Ручеек. Перевод Р. Романовой	15
«Солнце светит...» Перевод М. Шаповала- лова	16
Олененок. Перевод Г. Усовой	17
Кумалаи. Перевод М. Шаповалова	18
Унты. Перевод М. Шаповалова	20
«Двести семьдесят дней в году...» Пере- вод Р. Артамонова и А. Буртынского	22
Озеро Кобольчан. Перевод Н. Бодровой	24
Сердце. Перевод М. Шаповалова	26
На могиле Нимкалана. Перевод В. Губа- нова	27
Смена песен. Перевод В. Юриова	30
Старая песня. Перевод М. Шаповалова	31
Я еду в Томпо.. Перевод Р. Артамонова и А. Буртынского	33
«Когда тоски тяжелый ком...» Перевод М. Шаповалова	36
Домой!.. Перевод М. Шаповалова	37
У горного ручья. Перевод М. Шапова- лова	38
Песня уямкана. Перевод Р. Артамонова и А. Буртынского	39

✓ Мой путь. Перевод М. Шаповалова	40
Хеде. Перевод Н. Лисового	42
✓ Священный рожник. Перевод Н. Лисового	44
✓ Осенняя ночь. Перевод Н. Грудиной	48
Туча. Перевод Н. Грудиной	49
Сентябрь. Перевод Г. Фролова	50
Сон тайги. Перевод Н. Грудиной	52
Белый олень. Перевод М. Шаповалова	53
Песня кукушки. Перевод Р. Романовой	55
Аркан. Перевод Р. Артамонова и А. Буртынского	56
Вечер. Перевод М. Шаповалова	58

II

Утес. Перевод Ю. Кузнецова	61
Серкани (поэма). Перевод Н. Грудиной	65

Василий Дмитриевич Лебедев

СВЯЩЕННЫЙ РОДНИК

Стихи и поэма

Редактор А. Мелеткина

Художник И. Леонов

Художественный редактор Е. Носкова

Технический редактор В. Никифорова

Корректор М. Стрига

Сдано в набор 18/I-1974 г. Подписано к печати 19/III-1974 г. А07398. Формат бум. 70×90¹/₃₂. Бумага офсетн. Печ. л. 2,5. Усл. печ. л. 2,93. Уч.-изд. л. 2,53. Тираж 10 000 экз. Заказ № 773 Цена 28 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР

121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

390012 г. Рязань, Новая 69, Рязанская областная типография.